

«Отцы и дети» Городского театра Рейкьявика в столице

РУССКОЕ ДАЛЁКО

Неизвестная мечта. - 1998. - 3 выд. - с. 7

Григорий Заславский

«ОТЦЫ И ДЕТИ» имели оглушительный успех в Рейкьявике. Об этом в Москве стало известно сразу же после январской премьеры спектакля Алексея Бородина. В это верилось, хотя мысленно, уже по привычке, эту информацию делил на два. Наверное, успех. Но, вероятно, не столь оглушительный. К тому же, думалось, легко рассказывать о том, чего уж точно никто и никогда в Москве не увидит. И потом, если все так хорошо, то почему бы не поставить ту же инсценировку в Москве (в Исландии Бородин выступил не только как режиссер, но и как автор сценической композиции по роману Тургенева)?

Теперь за режиссером следует признать еще один талант: такой мягкий, такой интеллигентный, Алексей Бородин оказался человеком в высшей степени самоуверенным, раз не побоялся разрушения легенды о своем островном триумфе. 30 сентября и 1 октября «Отцы и дети» Городского театра Рейкьявика можно было увидеть на сцене Российского академического молодежного театра. Так сказать, по основному месту работы Бородина.

Чтобы не томить читателя, сразу скажем: спектакль оказался действительно замечательным. И может оправдать вояжи доброго десятка других режиссеров, вывозящих на экспорт «нескоропортящийся продукт», завешанный нам К.С. Станиславским.

Теперь — по сути. Бородин умеет переносить на сцену прозу. На сцене Молодежного театра идет его инсценировка «Капитанской дочки». Однако в этом умении главное для него — не интрига, которую следует вытянуть на свет Божий, чтобы затем вокруг нее, наподобие сценического круга, с лягом и скрежетом закрутился сюжет. Неверно было бы утверждать, будто бы он вовсе игнорирует «увлекательную сторону» произведения и всякие резкие повороты, но правда то, что Алексей Бородин все же больше увлечен повествовательностью или даже прозаической неторопливостью сюжета, его плавным естественным течением. И проза — если это Пушкин или Тургенев, — конечно, дает здесь большую свободу. Да и при выборе пьес Бородин отдаст предпочтение таким, в которых есть длинные истории. Многословные (достаточно вспомнить его «Беренику», где зрителям приходится передвигаться едва ли не чаще, чем актерам). На всю

жизнь. Вроде «Нашего городка», или «Короля Лира», или «Одной ночи» Евгения Шварца, которая «растягивается» на три акта. Где повествовательность соединяется с не высоким, а что ни на есть природным, от Бога нам положенным трагизмом (о чем говорит перед самой смертью Базаров). Он и про короля Лира ставил как «про людей», а не про средневековых суровых титанов.

В программке, которая была подготовлена к московским гастролям, масса «лишней» информации. Готовившие ее люди, как видно, знают толк в своем деле. А главное — чувствуют, что спектакли Бородина нужно соответствовать по части умения излагать свои мысли подробно. Неспешен (не от островной ли жизни исландцев идущий?) рассказ о Театральном обществе Рейкьявика... Фотографии и эскизы — Станислава Бенедиктова, главного художника Российского молодежного театра, второго члена русской постановочной команды. Пространные цитаты — из интервью Бородина.

Из слов режиссера можно узнать, что работа над спектаклем «вопреки всем существующим в западном театре нормам» длилась без перерыва почти три месяца, из них три недели было потрачено «на

подробнейший разбор... эпизодов, кусков, образов и попутно на изучение эпохи — русской культуры». Параллельно исландские актеры обучались основам русского психологического театра.

Все это не пропало даром. А главное — чувствуется в спектакле. Знанию русской жизни помогают небутофорские — «живые» — вещи. Деревянная беседка, которая при «переезде» от Одиновой к Базаровым быстро переоборудуется в сеновал. Огромный зеркальный «проем», в котором будут виднеться то усадьбинный дом Кирсановых, то бедные домишки Базаровского имения, а в финале — могила Базарова с деревянным, едва покосившимся крестом.

Временами даже казалось, что это русские актеры играли на неведомом языке, мало похожем на все известные наречья. Так они были естественны и в русских костюмах, и в русских своих ролях. Но в программке напечатано, что Базарова играет Кристиан Франклин Магнус, а его мать — Гудрун Асмундсдоттир.

В «Отцах и детях» можно найти развитие каких-то образов и метафор из прежних спектаклей Бородина. Скажем, глядя на «воображаемый» вальс умирающего Базарова и Анны Сергеевны Одиновой, вспомнить, что и в «Короле Лире» смерть Корделии для Лира «материализовывалась» как невозможность танца с ней. И так далее. Бородин, как, может быть, никто другой в нашем театре, находит поводы для слез в историях со спокойным течением и «местным» трагизмом.